

ПАОЛА ПЕРЕТТИ

перевод СВЕТАНЫ МАЛИНИНОЙ

ПОД
ЦИКАДНЫМ
ДЕРЕВОМ

роман

МИО

Романы МИФ. Прекрасные мгновения жизни

ПАОЛА ПЕРЕТТИ

перевод СВЕТЛАНЫ МАЛИНИНОЙ

**ПОД
ЦИКАДНЫМ
ДЕРЕВОМ**

Москва

«Манн, Иванов и Фербер»

2022

УДК 82-311.2(450)
ББК 84(4Ита)6-449
П27

На русском языке публикуется впервые

Перетти, Паола

П27 Под цикадным деревом / Паола Перетти ; пер. с ит. С. Малининой. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 256 с. — (Романы МИФ. Прекрасные мгновения жизни).

ISBN 978-5-00195-685-3

Тихая и робкая Чечилия живет в Вероне со своей матерью и пожилыми тетюшками, вместе они держат магазин свежей пасты. Шумное, любящее и подчас невыносимое семейство окружает девушку заботой, но иногда кажется, что этой заботы слишком много.

Старшая из тетюшек Чечилии умирает, оставив ей в наследство загадку: оказывается, у сестер был младший брат, который бесследно пропал сразу после рождения. Чечилии предстоит выяснить, что с ним стало, а заодно многое узнать о самой себе.

УДК 82-311.2(450)
ББК 84(4Ита)6-449

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-685-3

© 2021 Paola Peretti
© 2021 Mondadori Libri S.p.A., Milano
Russian translation rights arranged
through Vicki Satlow of The Agency srl
© Издание на русском языке, перевод,
оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2022

Оглавление

Вечерняя фриттата	7
Эвтерпа	13
Талия, Мельпомена и Терпсихора	107
Урания	195
Эпилог	242
Благодарности	253

Посвящается всем дядям и тетям в мире

Лишь на мгновение
вернуться бы в детство,
увидеть своих,
у плиты погреться,
расчесать волосы кукле,
пока все болтают на кухне.
Мама расскажет о шествии и крестах,
а сестры — о своих женихах.
Я бы хотела
посмотреть из окна,
как падает снег,
как папа читает...
Я бы к маме забралась на колени
и затихла.

А. И. Брунати. Лишь на мгновение

Самый лучший ребенок — тот, что еще
не вырос.

*Н. Хикмет. Самое лучшее море**

* Перевод Бориса Слуцкого.

Вечерняя фриттата

Брешиа, февраль 1945

В тот вечер они ели на ужин фриттату с луком и сыром, которую приготовила бабушка Инес.

Это событие само по себе было удивительным, потому что в бетонном курятнике за домом осталась всего одна курица, которая зимой не неслась. Самое большее, на что она была способна, — вылететь ненадолго на улицу и усесться на низкую ветку цикадного дерева. Пиппо следил за ней из будки, нехотя вилял хвостом, зевал и ловил ртом снежинки.

Яйцами разживались редко, как и другими продуктами, которых теперь и вовсе почти не осталось. Фриттату с луком и сыром готовили по особому случаю, и пяти сестрам ее всегда было мало.

— Нам нужны силы, нынче-то. Ребенок на подходе, — сказала бабушка, беря яйцо из корзинки и показывая его внучкам.

— Детеныш, то бишь ребенок, пока что внутри, то бишь в животе, как в скорлупе. Не думайте, там внутри у него все чин чинном. В животе есть все, что ему нужно. Но скоро он выйдет наружу, и тогда ему понадобится мы. Чтобы родить ребенка, нужны мышцы.

И она — крестьянка, к пятидесяти годам уже успевшая состариться, — показала мышцы на иссохшей руке.

Девочки рассмеялись, но тихонько, чтобы не потревожить Бьянку, свою маму. Та лежала в постели, скорчившись и обхватив живот руками, и тяжело дышала. Лицо ее, повернутое к стене, было покрыто испариной. Но сестры не смогли сдержать смех, отчасти из-за бабушкиного жеста, отчасти из-за смеси диалекта и итальянского, на которой она говорила. При папе все общались только на итальянском: он был образованным, изучал античную историю, и ему не нравилось, когда дочери переходили на брешинский диалект.

— Она в порядке? Я про маму, — спросила десятилетняя ясноглазая Мельпомена.

В углу комнаты трепетал маленький огонек желтоватой свечи, порождая на стенах пляшущих призраков, каждый из которых был куда больше, чем само пламя. Снаружи ночь, величественная и бессловесная, ласкала дом звуками зимы: с потолка просачивалась вода и капала в одно и то же место на полу, с крыши под окна с шорохом

скатывался снег; беспокойная сова, забыв о спячке, подавала голос с голых веток цикадного дерева.

Из поврежденного приемника, который лежал у папы на коленях, были слышны помехи. Отец пытался его настроить, чтобы узнать последние новости о конференции трех президентов. Так их называла Эвтерпа, хотя не все они были президентами.

«...Уин... стон... из Ялты раньше... ш-ш-ш... обсудить... Японию... Объединенные нации... ш-ш-ш... мир».

— Какое там в порядке, о чем речь. У нее из живота ребенок вот-вот вылезет! — воскликнула Талия. В свои тринадцать лет она не упускала ни единой возможности прицепиться к младшей сестре. Эвтерпа, старшая сестра, которой недавно исполнилось пятнадцать, прервала ее и осадила с важным видом:

— Не говори так, Талия, ты пугаешь ее. Возьми-ка Уранию. Она вот-вот уснет и свалится со стула.

Талия в один присест съела свою порцию фриттаты, встала и взяла на руки двухлетнюю Уранию, которая сидела на стуле с подушками — их подкладывали специально, чтобы малышка могла доставать до стола. Урания привалилась к ее плечу и сразу же задремала.

Накрыв сестру одеялом до самого подбородка, Талия услышала взволнованные голоса, доносившиеся из главной комнаты, откуда она вышла

несколько минут назад. Обычно девочки ночевали на чердаке: они забирались туда наперегонки по деревянной скрипучей лестнице. Последней отводилась неприятная обязанность — закрывать тяжелый люк. Зимой на чердаке не спали из-за холода, поэтому сейчас там были только подвешенные для просушки кисти винограда.

Талия поспешила в главную комнату: у мамы начались роды, а у ее кровати, сырой и измятой, стояли папа с Эвтерпой и держали маму за руки и ноги. Талия тут же пожалела, что напугала Мельпомену. Теперь ей самой стало не по себе.

Мама громко стонала и утробно кричала. Талия не хотела этого слышать.

— Зови повитуху, скорее! Одна нога здесь, другая там! — скомандовала Эвтерпа на диалекте, не оборачиваясь. Талия метнулась к двери, распахнула ее, и в дом ворвался холод.

Снаружи воздух был неподвижен: казалось, что надвигается гроза. Ее предвещали беззвучные вспышки света, словно кто-то фотографировал пейзаж за домами района Карриоле. Талия мчалась, машинально выбрав самый короткий путь до дома акушерки. Ее застала врасплох молния, очертившая ближайšie к городу угольно-черные, на контрасте со вспышкой света, холмы. Между ними лежала долина, напоминавшая букву V или чаек, которых рисовал Нери. Надо же, гроза после снегопада...

— Эвтерпа, нам-то что делать?

Сидевшая в углу Мельпомена прижалась к пятилетней Терпсихоре, в тихом ужасе от осознания того, что «скорлупа» ее матери уже трескается и вот-вот разобьется. Этот ужас был глубоким, потаенным, его выдавала лишь дрожь, от которой тряслись черные кудряшки на голове девочки. Даже бабушка Инес забыла о внучках. Она ставила ведра с водой на затухающие угли в камине и искала чистые отрезки ткани, припасенные для родов.

— Терпси, поди-ка к Урании. Проверь, как она. Убедись, что не проснулась, — скомандовала Эвтерпа, не сводя глаз с матери.

Малышка зашагала к выходу из комнаты. Бьянка громко закричала, и Терпсихора с плачем бросилась в темноту.

Эвтерпа держала ведро с теплой водой, пока бабушка окунала в него ткань.

— Беги за Нери, Мельпомена. Лети мухой! — бросила она сестре из-за плеча.

— Нет! Только не Нери! — воскликнула мама, приподнявшись на руках. Она тяжело дышала через рот, глаза покраснели от напряжения.

— Почему? Я обещала ему, что он первым увидит ребенка. Говорила, что перво-наперво позову его, — сказала Эвтерпа.

Бабушка Инес посоветовала ей забыть об обещании.

— Мы знаем, что Нери твой друг, но он юноша. Он из мужчин. Мы столковались, помнишь?

Девушка опустила взгляд.

— Да. Я помню уговор. Только папе можно находиться здесь. Другим мужчинам нельзя.

У мамы началась новая схватка, бабушка повернулась к ней, и Эвтерпа быстро отвела Мельпомену в сторону.

— Найди Нери. Это важно, верь мне! Беги во всю прыть! — прошипела она сестре.

Дрожавшая девочка шагнула в синюю стылую ночь, грозившую разразиться бурей.

— Это мальчик! — услышала она возглас из дома. Мельпомена помчалась со всех ног.